

Ахметжан АШИРИ

НУР АНА

Повесть

Окончание. Начало в № 7, 2025.

VI

Кодек – молодой казах, живущий, вернее, живший в Чарбаге. Его отец был грамотным человеком, в совершенстве владевшим уйгурским языком. Он был одним из тех, кто устанавливал в регионе советскую власть. Похоронен здесь же, в Чарбаге, где прожил всю жизнь.

Сам Кодек, слепой на один глаз, был к военной службе не годен, поэтому в Великой Отечественной войне не участвовал. Работал пастухом в Чарбаге и в Малыбае. Часто навещался в гости к Нур Ане.

Однажды он прискакал верхом к дому Нур Аны и стал ее звать. Услышав его, она выбежала. На руках у Кодека громко плакал грудной ребенок. Кодек слез с лошади и прямо-таки упал на колени перед Матерью Чарбага:

– Дорогая Нур Ана, – умоляюще произнес он, – помогите нам! Пожалуйста!

– Успокойся. В чем дело? Что случилось?! – встревоженно спросила она.

– Вот! Его мать нас бросила! Ушла, оставив мне ребенка! Помогите! А то он умрет с голоду!

Нур Ана протянула руки, и Кодек передал ей ребенка.

– Я верю Вам! Вы спасете его, – сказал он и ускакал, успев бросить на ходу, что спешит, потому что оставил коров без присмотра.

– Эй-эй, Кодек! Подождите! Что я скажу матери ребенка, если она явится или станет возмущаться, почему ее ребенок у меня? – крикнула Нур Ана, но Кодек уже не услышал ее. Его и след простыл! А ребенок на руках у Нур Аны опять начал плакать.

Нур Ана сунула ему в рот грудь и вдруг почувствовала прилив молока. Мать Земли обрела сына!

Через три дня Кодек опять приехал к Нур Ане. Он присел у колыбели безмятежно спящего сына, испытывая при этом чувство радости. Потом рукоятку своей плетки постучал по деревянной колыбели, ребенок проснулся и стал ловить что-то ртом. Кодек вопросительно посмотрел на Нур Ану.

– Только что покормила его грудью, видимо, еще хочет, – сказала она смущенно, покачивая колыбель.

Ребенок уснул. Кодек сел за столик, стал не спеша пить чай.

– Оралхан – Ваш сын... Мы с Вами жили и живем в обычном селе, пьем воду из одного родника. Теперь не подумайте, что я на что-то свое намекаю.

– Я не об этом. Вы правы: материнское молоко, что у казашки, что у уйгурки, всё равно для ребенка – материнское молоко. Я о том, как объясню Оралхану, что я – не его родная мать.

– Мы с Вами вместе расскажем ему правду, – ответил Кодек.

* * *

С тех пор прошло много лет. Оралхан учился в Чилике, жил в интернате. Незаметно для себя Нур Ана полюбила его как родного сына. Она с нетерпением ждала встречи с ним. Каждая неделя ей казалась нескончаемой. Она пекла в тандыре маленькие вкусные лепешки, шила для него рубашки и раз в неделю ездила в Чилик. Иногда учащиеся интерната выходили в поле помо-

гать колхозному хозяйству. Нур Ана не ленилась отправляться и туда. Иногда она дожидалась Оралхана у интерната.

Однажды Нур Ана увидела человека с тубетейкой на голове.

– Вы, наверно, учитель? – спросила она. – Я и раньше Вас видела здесь.

– Да, я учитель. Кого Вы ждете?

– Сына, Оралхана

– А-а, очень приятно, Оралхан – мальчик умный, дисциплинированный.

– Спасибо за добрые слова! Я довольна, что познакомилась с Вами.

– Я тоже рад!..

– В прошлый раз, когда я проводывала сына, один из учителей сказал мне, что Оралхан – разгильдяй, лентяй, недисциплинированный, ничего толком не может делать. Не умеет косу держать, не говоря уж о том, чтобы траву косить... Одной девочке он привязал к косичкам школьный звонок. Учителю математики в карман положил жука, и так далее, и тому подобное...

– Я у Оралхана в классе – новый классный руководитель. Сам преподаю естествознание. Может быть, не всё знаю, но лично я ничего подобного не заметил.

В это время прозвенел звонок. Оралхан, увидев Нур Ану, радостно закричал:

– Мама приехала! Мама!.. – выпрыгнул в окно, подбежал к ней и обнял ее.

Нур Ана гордо посмотрела на учителя, словно хотела сказать этим взглядом: «Вот он, мой Оралхан!»

– Ну, оставляю вас, поговорите... – сказал учитель и вошел в здание интерната.

* * *

– Похудел ты, мне кажется, сынок...

– Еще бы! Мало того что учиться трудно, так еще траву косить заставляют!

– А ты научился косить?.. Сынок?

Вместо ответа на вопрос Оралхан спросил:

– А что ты мне привезла?

– Вот, самсу привезла... Ты же любишь ее? А еще – лепешки.

– Здесь не дают соленый чай... Ни с молоком, ни с каймаком!

– А-а-а... Ну, ладно, привезу и молоко, и каймак. Но ты ешь всё, что дают!

Не отказывайся ни от чего, сынок... – И, подумав, вдруг спросила: – А у вас в классе, что, нет дверей?.. Зачем прыгаешь в окно?

– Да, говорят, что дверь в войну использовали вместо дров, – соврал Оралхан.

Нур Ана хотела сказать, что, может, надо было выйти через дверной проем, но не сказала. Может, и правда нет двери. То есть дверь-то есть, но, может, дверного полотна нет? В войну всё бывало!..

Зазвенел звонок на урок. Одноклассники Оралхана побежали мимо. Нур Ана каждому из них сунула в руку по лепешке, и они, откусив по кусочку, положили остальное за пазуху...

– Ни одной лепешки не осталось! – сказал Оралхан обиженно.

Но Нур Ана успокоила его:

– Хороша та еда, которой ты готов делиться с друзьями! Так говорят в народе, сынок. – Она погладила его по голове. – Иди на урок, не опаздывай...

– Скажи им, пусть хоть на один день отпустят меня. Я хочу побыть с тобой.

– А ты что, не хочешь учиться?

– Почему?! Учиться я хочу!

– Тогда я довольна тобой, мой сын!

– Завтра опять придешь?

– Не знаю... Работы много, сынок...

Нур Ана почувствовала, что Оралхан не в духе, как-то сник... Она сочла, что это, наверно, потому, что его отец, Кодек, привел в дом мачеху...

* * *

Когда Оралхан учился в институте, Нур Ана не могла уже ездить к нему часто. Она бывала у сына раз в месяц. Приезжал к ней и Оралхан, иногда – со своими однокурсниками. Он уже не просил мать навещать его почаще. Знал, что живет она в пустом Чарбаге одна, что много у нее работы и некому ей помочь. Оралхан привозил маме чай и конфеты, или еще что-нибудь вкусное, заготавливал ей дрова, а когда приезжал с друзьями, привозил в телеге, запряженной ослом, саксаул. Заготавливал Оралхан и траву, называемую котуркара. Огонь от нее держался долго. А росла эта трава здесь же, рядом с Чарбагом...

Однажды, а это случилось на свадьбе Оралхана, он познакомил Нур Ану со своей женой, которую звали Сауле. На торжестве был и Кодек. Он стал совсем седым, лицо – в глубоких морщинах, фигурой – согнувшийся...

– Почему твоей жены нет на свадьбе? Свадьба же ее! – заметил один из гостей.

– Когда я женился на ней, то думал, что она – соловушка, а она оказалась кукушкой, – ответил Кодек. А Нур Ана промолчала, не стала поддерживать разговор...

Жена Оралхана, Сауле, родила сына. Дать ему имя Кодек попросил Нур Ану.

– Ну, что ж, пусть будет Азиз, – сказала Нур Ана...

После окончания института Оралхан стал работать в одном из целинных совхозов агрономом. Вскоре его избрали директором этого совхоза. Оралхан однажды попробовал пригласить Нур Анну переехать в этот совхоз, хотя в общем-то знал – звать бесполезно: никуда она из Чарбага не уедет. Так оно и вышло. Нур Ана оставить родное село отказалась.

Каждое лето Оралхан привозил Азиза к Нур Ане и оставлял его у нее до поздней осени. Лучезарная мать часто водила Азиза за руку по разрушенному селу и твердила: «Вот увидишь, Азиз, Чарбаг оживет, станет настоящим садом. В это я верю!» Азиз крепко держал бабушку за руку и улыбался, как будто понимал, о чем она говорит. Он научился у бабушки подниматься на крышу и ждать, говоря словами Нур Аны, людей, которые иногда приходили и приносили разные вести, то добрые, то плохие, хотя, конечно, еще не понимал в этих сообщениях ничего.

Однажды Азиз, слезая с крыши, стал звать бабушку. Нур Ана выбежала и взволнованно спросила:

– Ты кого-то увидел, внучек?

– Да, человек, который кажется горбатым...

– И ты, что, испугался?

– Да, – ответил мальчик.

– Не бойся, милый! Я знаю этого человека.

Нур Ана вышла навстречу пришедшему. Она всегда радовалась тем, кто приходил в Чарбаг. А это оказался известный всем горбатый Закир из Байсейита. Он был известен не только своим горбом, но и тем, что, бросив семью, ушел в горы охотиться на косулей. Кроме того, он ставил ловушки на волков. Нур Ана слышала, что он убил уже сотни горных козлов и очень много волков. А жена его жаловалась людям, что дети его раздеты и голодны, и он давно о них забыл. Еще слышала Нур Ана о том, что этот человек упал с высокой

скалы и сломал позвоночник. Люди нашли его и отвезли к лекарю, который в конце концов вылечил Закира, но тот все-таки остался горбатым.

Закир оставил за порогом мешок, на котором Нур Ана увидела пятна крови. Встретила она пришельца холодно.

– Не узнала меня, уважаемая Нур Ана? – спросил Закир.

– Да кто тебя не знает?! – ответила мать. – Когда другие на войне кровь проливали, ты здесь, в горах, на косуль да на волков охотился...

– Ты права, старая ворона! И не проведать тебя я явился! Кто захочет узнать, как ты живешь?! Кому это интересно?! Всем известно, что ты возишься в навозе в поисках пищи. Два года я следил за одним зверем и где бы ни оказался, всюду вижу не его, а твои следы. И это ты всем сообщала, чем я занимаюсь. Дай хоть чашку холодного чая, устал я, пока шел к тебе.

– Не дам я тебе чаю! Ты же не проведать меня пришел!

– Нет, конечно! Кому ты нужна, старая сорока?!

– Что ты тут потерял?! Чего ищешь, сумасшедший?!

– Ты всё мешала мне поймать волка! Это ведь ты убрала мой капкан? Не так ли? Я его нашел у тебя под забором.

Тут Нур Ана вспомнила, что, возвращаясь с дровами, неподалеку от дома она действительно нашла капкан, который принесла домой.

– Из-за тебя волк, который распорол нашей корове живот, до сих пор жив! – обвинил ее Закир.

Нур Ана взяла оставленный у порога окровавленный мешок горбатого и швырнула его ему под ноги. Закир поднял свой мешок и вынужден был удалиться восвояси.

– Какую весть принес дядя? – неожиданно спросил Азиз бабушку.

– Дурную! – ответила Нур Ана. Разговаривая с внуком, она немного успокоилась, но неприятный осадок на душе все-таки остался...

Вдруг внук задал вопрос, который показался ей очень странным:

– Бабушка! Скажи, пожалуйста, а кто о чем мечтает?..

– Ты это о чем, внучек?

– Ну, например, о чем мечтает соловей?

– О саде, о садовнике, о том, чтобы садовник поливал цветы и саженцы, не дал им засохнуть...

– Значит, у нас нет соловьев?

– Да, мой внучек, соловьев, к сожалению, у нас нет.

– А удод о чем мечтает?

– Его мечта сбылась!

– А ласточка?

– Ласточка любит летать против ветра. Она мечтает о ветре.

– А рыба о чем мечтает?

– Рыбы мечтают о воде, о том, чтобы вода была всегда. Рыбы тоже любят плыть против течения.

– А твоя песня – о чем?

– То есть – о чем мечтаю я? – спросила Нур Ана. На секунду задумалась и продолжила: – О родной земле, о своей малой родине, где я родилась. Моя мечта о том, чтобы все заблудившиеся соловьи, заблудившиеся односельчане вернулись домой, туда, где родились и выросли.

– А у тебя есть своя мечта? – спросил неожиданно Азиз и тут же добавил: – Вот я мечтаю о том, чтобы ты жила долго-долго! И всегда ждала. Если ты умрешь, кого я буду называть бабушкой?.. – сказав так, он обнял Нур Ану за шею и стал целовать.

– Ладно, – сказала она растроганно, – постараюсь жить долго. У меня дел много. Мне нельзя сейчас умирать, и даже некогда думать об этом.

– Бабушка, а почему нас всех не записали в Красную книгу?.. Если бы в Красную книгу записали твой Чарбаг, то все люди в нем остались бы жить, и сейчас ты не жила бы здесь одна. От дяди Оралхана я слышал, что животных моего папы запишут в Красную книгу, и тогда никто не будет их даже трогать, а не то чтобы ловить и убивать!

– Умница ты, мой дорогой внучек! Спасибо тебе за такую красивую мечту! Спасибо...

VII

Рано утром по заснеженной улице шел, широко шагая, Кевир. Увидев его, Нур Ана весело побежала ему навстречу. Он не ожидал от нее такого, а она бросилась к нему в объятия и расплакалась.

– Как ты тут, родная? – спросил он. – Соскучилась по нам? Разошлись мы все, рассыпались, как просо, по разным сторонам! Не собратсья нам снова вместе! – Задумался, а потом весело продолжил: – Малыбайские звезды, оказалось, освещают улицы лучше. Над Чарбагом они – высоко в небе, а там звезды – не выше деревьев. Чарбагцы, как только приехали, заметили это и стали в них камни кидать. Интересно же. Так низко они расположены... Перебили их все!

– Да что ты?! Кто же этим занимался?..

– Ну, например, я сам. Мне тоже было интересно! В Чарбаге же не станешь целиться камнем в звезду, кому придет это в голову? Слишком уж высоко они расположены. Да-да, это я, Кевир-дурной, кто же еще?! Кевир, известный по кличке – «красивый». Интересно вот что: звезды там похожи на груши... И совсем не похожи на звезды! Такие, как у нас под потолком. Думая, а что там, внутри этих груш, я попробовал узнать, схватил, надавил... Наверное, слишком сильно сжал... грушу. По всему моему телу странная дрожь прошла, такая, что я вырвал вместе с грушей целый кусок дерева и швырнул всё это в очаг, перед которым вдруг оказался... Сто звезд перед глазами промелькнули! Вот это – звезды так звезды!.. Целый день приводили меня в чувство. Наконец, очнулся... Такого в Чарбаге не видели никогда.

– Так ты имеешь в виду электрическую лампу?! Думаю, что над тобой все смеялись после этого...

– Да, все смеялись, и глаза у них были мокрыми...

– Еще бы! Ведь смеялись-то до слез!..

Но, надо сказать, что всё это Кевир-красавец выдумал, чтобы поднять настроение, рассмешить одинокую Нур Ану.

* * *

– Вы куда собрались?.. И внука тепло одели.

– Бабушка, а зачем ты закрываешь дверь на замок? И лампу забыла потушить...

– Ладно, дверь закрывать не будем, а лампа пусть горит. Пусть люди думают, что мы дома.

Нур Ана зашла в сарай, вынесла деревянную лопату.

– Я смотрю, ты не спала сегодня ночью? Почему? – спросил Кевир, глядя на Нур Анну.

– Ушел сон. Совсем. Бедный отец... Все глаза, наверное, проглядел... Ждал, когда я принесу ему воды.

– Да, ты права. Заждался, бедняга... А где воду будем брать? В Каргубулаке? Ты говорила, что там вода исчезла.

– Придем, увидишь.

– Снега слишком много выпало. Как пройдем по сугробам?

– Вот, бери лопату. Ты будешь нам прокладывать дорогу, а мы пойдем за тобой.

Кевир взял у нее лопату. А куда денешься?! Пришлось открывать дорогу, но больше – ногами своими, чем лопатой. Женщине с ребенком было гораздо легче идти за Кевиром.

Дошли они до родника. Кевир набрал пригоршню холодной воды, выпил.

– Ты, что ли, открыла глаза слепому ключу? – спросил он.

– Не сглазить бы ключ! Привяжи-ка вот этот платочек к ветке дерева, – сказала Нур Ана вместо ответа. Кевир так и сделал.

Набрав в бочонок воды, они пошли обратно. По дороге домой Нур Ана мысленно вернулась к событиям прошлого, случившимся когда-то давно у этого источника. Она вспомнила Арупа на костылях, участника борьбы за установление советской власти в Чарбаге. Аруп был бесстрашным участником Гражданской войны, близким другом отца Нур Аны – Юсупа по кличке Калта чапан – «короткое пальто», который вел в Чарбаге активную пропаганду за Советы. Аруп призывал мужчин Чарбага вступить в ряды борцов против кулаков. «А кто такие кулаки? Кто должен бороться с ними?» – спрашивали его. И он отвечал: «Мы! Хозяева Чарбага! Вставайте! Седлайте своих коней или идите пешком против врагов! Боритесь с ними!»

Аруп и Юсуп не только вели пропаганду среди людей, но и сами участвовали в боях в Чарбаге и у источника, который потом был назван «слепым», потому что был уничтожен врагами – противниками советской власти. Тогда и появились названия тех мест, где проходили ожесточенные бои – Мертвая стена, Священная высота, Тропинка Арупа, Слепой источник.

Нур Ана после боев пришла к ключу, который, как считала она, ослеп. «Надо открыть глаза источнику!» – говорила она и сумела открыть ему глаза! «Жив теперь ключ! Жив источник жизни!» – радовалась Нур Ана. Не зря же ее называли Ана. Она и есть Мать этого источника! Мать, которая всему доброму дает зрение, чтобы видели все хорошие люди, чтобы видели Нур – Луч солнца! Ведь она – Нур Ана! Солнечная, лучезарная мать!

«А кто они такие – эти хорошие люди, которые защищали родную землю? – задает вопрос Нур Ана и сама себе отвечает: – Хорошие люди – это садовод Касым, это Юсуп и Аруп, Аруп-ахун, Юсуп-ахун!» Так сама мать называет защитников.

Нур Ана вообще-то была против названия Слепой родник, но народ так назвал его, когда родник действительно ослеп...

– Прости нас! – шептала Нур Ана, приходя к источнику после окончания боев, разговаривая с ним, как с живым существом. Вручную она убрала грязь и липкую жижу, закрывавшую выход воде. Много раз приходила сюда Нур Ана, чистила ключ с утра и до позднего вечера и наконец очистила родник.

Закончив работу, Нур Ана подняла голову и посмотрела в сторону солнца, которое ослепило ее. Из глаз матери потекли слезы. Она нагнулась над родником и проговорила:

– Теперь нас трое: я, ты и солнце, мой дорогой родник! Я буду называть тебя Прозревший родничок! Я наполнила тебя водой, а солнце наполнило влагой мои глаза. – Она крепко зажмурилась, уронив слезы в прозревший ключ. И, будто от радости за теплые слова матери, вода в роднике забурлила и на гребне своем понесла слезы Матери Солнца – Лучезарной Нур Аны...

Каждое утро ходила Нур Ана с тыквенной посудой к источнику, чтобы набрать холодной, прозрачной воды из ожившего родника...

– Почему ты не спешишь домой? – спросила Нур Ана Кевира.

– Вот уберу с твоей крыши снег, очищу твой двор, тогда и пойду, – ответил он. – Тесть мой заболел, надо напоить и его ключевой водой.

– Снег я сама очищу! Не задерживайся!

– Нет, я сам! Уже иду на крышу! Видишь, твою деревянную лопату взял...

– А что это у тебя в сумке? – поинтересовалась Нур Ана, когда Кевир собрался в дорогу.

– Набрал воды в тыквинку: буду лечить Касыма. Да и самому полезно попить. А еще в мешочек земли Чарбага набрал...

– Это тоже хорошее дело! Хорошо, что ты не забываешь родной Чарбаг, Кевир!

– Я часто скучаю по родному селу. Как только захочется его увидеть, беру в руки мешочек, потерплю пальцами землю и становится спокойнее на душе.

– Ты – умница, Кевир! Передавай привет чарбагцам! – сказала мать Солнца, прощаясь с Кевиром. – Не забывай меня!

– До свидания, дорогая Нур Ана! Я вижу, работы у тебя много. Некогда тебе по мне скучать... Но я буду помогать тебе! Как только найду время, опять приеду. И расскажу о тебе всем нашим общим знакомым!..

Нур Ана долго смотрела вслед уходящему Кевиру...

Тут она вспомнила, что отец-то ведь болен! «Что же я стою?! Надо проведать отца!..» И, обращаясь к Азизу, сказала:

– Дедушка твой болеет. Давай сходим в Малыбай, проведем его!

– Дедушка обрадуется нам? – спросил Азиз.

– Ну конечно! Он будет очень рад! Пошли, мой милый! Скорей!..

И они догнали Кевира...

* * *

Дом больного свекра Нур Аны, Касыма, находился на окраине Малыбая. Втроем они зашли к нему.

Увидев их, Касым-садовник не поверил своим глазам! Ничего подобного он не ожидал и обрадовался несказанно:

– Сноха моя! Ты ли это?! – только сказал Касым и заплакал безутешно, навзрыд. Успокоившись, долго молчал, обняв сноху за плечи.

– Не плачьте, отец, Вы скоро обязательно выздоровеете. А я вот пришла не одна. Со мной – Азиз!

– Спасибо, спасибо вам! Спасибо и Кевиру за то, что привел ко мне и тебя, Азиз!

– Мы принесли тебе ключевую воду! Ты же хотел ее попить?!

– Из Слепого родника? – спросил Касым.

– Нет, из Прозревшего родника! Мы назвали наш ключ именно так! – ответил Кевир.

– Прозревший родник, говоришь? – удивился еще больше садовник.

– Это Нур Ана открыла глаза ключу. Я своими глазами видел! А ну-ка попробуй!

Касым сделал несколько глотков, долго смотрел с восхищением на Нур Анну и потом спросил:

– Как живешь, дорогая моя сноха?

– Живу, Вы знаете, в Чарбаге. Хорошо. Нельзя мне оставлять родное село! А Вы, отец, как поживаете?..

– И я живу, слава Всевышнему, хорошо. Вот только вода и земля тут не такие, как в Чарбаге... Вот это – вода так вода! Спасибо, что угостили меня! Совсем другая вода! Какая земля – такая и вода, видимо... Не так ли?

– Да, Вы правы, отец. Мы почаще будем приносить Вам нашу ключевую воду. Да, Азиз?

– Да я готов ходить сюда хоть каждый день! – ответил внук.

VIII

Наступила весна. Работы у Нур Аны заметно прибавилось. Ее очень беспокоило таяние снега в горах. Мало того что вода зальет родники, пусть на

время, но исчезнет питьевая вода, так еще наводнение грозит новыми разрушениями и без того порушенным людьми домам. Ведь еще пока есть целые дома... Надо бы воду направить мимо села! А для этого необходимо много сил для рытья разных дополнительных каналов-арыков. Только вот где взять эти силы? Одной не справиться с такой работой! Нур Ана вспомнила Мираба Баграша. Как весной он собирал людей, говорил им о необходимости рыть отводные каналы на случай наводнения. Люди понимали его и слушались. Даже старики и старухи приходили на помощь, вручную выбирали из арыков камни, выкидывали их. Все помнила Нур Ана. Но там, куда переехал Баграш, нет надобности в рытье каналов...

Мать сама начала рыть арыки. Оказалось, напрасно убила свое драгоценное время на эту тяжелую работу – наводнения в эту весну в Чарбаге не было. Знать это заранее она не могла.

* * *

Однажды, когда Нур Ана присела у арыка отдохнуть, к ней подъехали, каждый на своей телеге, двое молодых людей. За ними показались и другие...

– Здравствуйте, уважаемая Нур Ана! – поздоровались они.

– Здравствуйте, дети мои! Куда это вы путь держите?

– Мы – за лесом для постройки конюшни.

– Вы, что, считаете, что наши деревья уже так выросли, что годятся вам на стройматериалы?

– А что? Нет, что ли?..

– Нет! Не дам рубить деревья! Слышите?! Не дам! Возвращайтесь обратно!

– А я тебя и спрашивать не буду! – вызывающе воскликнул один из приехавших.

Нур Ана преградила молодому человеку дорогу, встав перед ним с кетменем в руках.

– Ну-ну! На что ты надеешься, старуха?! Ведь ты почти мертвая! А ну, пропусти! Не зли меня! – заявил он угрожающе... – Эй, друг! Скажи ей что-нибудь! А то я за себя не отвечаю!

– А что я ей скажу? Она же здесь хозяйка!

– Кто – хозяйка?! Кого ты называешь хозяйкой?!

– Вот она, что стоит перед тобой. Она говорит, что сажала эти деревья вместе с другими чарбагцами.

– Чарбаг уже не село! Пустой Чарбаг, разрушенный. Здесь не может быть хозяина! – возмутился молодой человек, который, как оказалось, приехал из Малыбая. Другой, защищавший Нур Ану, был из Байсейита.

Все, кроме байсейитовца, а к этому времени подъехали и другие, повернули свои телеги и отправились в обратный путь. Байсейитовец обратился к малыбаевцу:

– Ну, чего стоишь?! Поехали обратно!

Малыбаевец рассмеялся:

– Я пойду рубить деревья! А вы как хотите...

Когда малыбаевец достал из-за пояса острый топор, Нур Ана заплакала:

– Проклинаю тебя! Проклинаю! – причитала она сквозь слезы. И малыбаевец отступил.

После этого случая Нур Ана целую неделю болела и не вставала с постели. Когда ей стало немного лучше, она не смогла больше лежать, встала, вышла из дома и пошла по селу. Подошла к одному из каналов, по которому раньше всегда текла вода. Он был пуст. Нур Ана стала каждый день приходить сюда в надежде увидеть в нем воду, приходила еще и еще, но вода так и не появилась. Не было в Чарбаге места, где бы не остался след Нур Аны.

Однажды она решила сходить в Байсейит к гадалке Байсихан за саженцами.

– Отсюда сегодня солнце взошло?! – удивилась Байсихан, увидев старую подругу.

– Ты меня не ищешь, а я вот тебя нашла.

– О чем ты говоришь, подружка моя?! Я так рада, что ты пришла ко мне! Теперь мы вдоволь наговоримся с тобой! Если захочешь, погадаю тебе...

– Мне некогда заниматься гаданием. Я спешу.

– Куда?! Вот у меня действительно много работы! А ты о чем заботишься? Что ищешь?

– Мне нужны саженцы тальника.

– Зачем тебе они?

– Посажу в землю. Зачем еще нужны саженцы?

– Оставь ты эту каменную землю! Даже воды там нет!

– Вот я и думаю о воде. Это и есть дело, которое меня ждет. Будет вода! В это я верю! У меня хватит сил сделать так, чтобы появилась вода! Я ведь уже пью из Прозревшего родника, который раньше называли Слепым! Если у тебя есть саженцы, то дай! А если нет, буду искать в другом месте.

Байсихан провела подругу во двор:

– Вот, бери сколько хочешь!

Нур Ана достала перочинный ножик и отрезала от одного саженца прутик.

– Что это?! Бери все, сколько есть! Нам саженцы не нужны. Вместо них мы скотину будем держать.

Довольные встречей, подружки сели пить чай и вспоминать пережитое... Наговорившись вдоволь, они расстались.

* * *

Мать Земли очистила конец прутика, вонзила его в мягкую землю у Прозревшего родника и прошептала, обращаясь к ключу и пруттику:

– Живите! Радуйте и берегите друг друга! Когда-нибудь над вами вновь будут петь соловьи! И я снова приду к вам, посижу под сенью разросшегося дерева... Потом придет к вам мой внук Азиз. А тал – это святой тал! Он получил название Меджнун тал – влюбленный в девушку по имени Лейла... Все знают восточную легенду о Лейли и Меджнун...

И тальник разросся под солнцем Чарбага! Он благодарно глядел в глаза Источнику. И они зажили, счастливые и довольные друг другом.

IX

Задача добыть для Чарбага воду стала для Нур Аны делом всей жизни...

Взяв лопату, она копала там, где предполагала найти воду. Доходя до каменистого слоя, Нур Ана бросала лопату и не брала ее в руки несколько дней. Ею овладевало отчаяние, но волю ее это сломить не могло.

Внуку Азизу было понятно отчаяние бабушки, но пока он не мог еще помочь ей ничем. И всё же...

– Дай-ка я попробую копать! – сказал он однажды и взял у бабушки лопату.

– Спасибо, мой дорогой, ты, наверное, будешь дехканином! – похвалила она внука и продолжила копать кетменем... Но и тут не оказалось воды.

– Бабушка, а что ты ищешь? – спросил вдруг Азиз.

– Воду, дорогой... Воду.

– Воду?! Ничего не выйдет, бабушка! Вода лежит глубже. Тебе разве не хватает ключевой воды?.. Чтобы была вода, нужно копать глубже камней. Много глубже! А иначе – напрасный труд! Одна мука! Не так ли, бабушка?

– Я не мучаюсь. Это село – моё, земля – моя. И вода должна быть своя! Не смейся, внучек! Надо постараться. Кто старается, тот всего добьется. Помни об этом, дорогой. Посмотри на карту, ты там не найдешь никакого Чарбага. А ведь Чарбаг – часть большой земли! Наша с тобой Родина начинается с Чарбага а сама родина начинается с источника воды, той воды, которую мы ищем. Чарбаг – наша с тобой Родина, дорогой! Кто поверит, что в родной земле, на родине нет воды?! Она есть! Ее надо искать и обязательно найти! Потому что без воды жизни нет. Жизнь там, где есть вода. Нет-нет, ты не смейся! Это так! Поверь мне!

И Азиз бабушке поверил. Он очень хотел, чтобы бабушка нашла воду. И поверил в то, что когда-нибудь здесь, под сенью посаженных бабушкой деревьев, он будет слушать пение соловья и бабушкины сказки.

* * *

У Нур Аны бывали такие дни, когда она не надеялась, что найдет воду. И тогда она не брала в руки лопату и кетмень. А однажды случилось вот что...

Азиз вышел во двор и увидел бабушку, лежащую на земле. Она разговаривала с землей, обнимая ее, как родное дитя:

– Вся надежда на тебя! Пожалей меня, пожалуйста, подскажи, где в тебе вода?! – И в голос заплакала.

– Бабушка! Мы найдем воду! Вставай! Зачем лежишь на холодной земле?! Не плачь! Вставай!

Нур Ана перестала плакать, встала и обняла внука.

– Дай Бог, чтобы сбылась наша мечта! Твои слова обязательно сбудутся, я знаю, черноглазый мой дорогой внучек, – сказала она, поглаживая его волосы, колючие и жесткие, как иголки у ежа.

* * *

Как-то раз неожиданно во двор к Нур Ане зашел русский молодой человек. Это был Иван, с которым ее муж Гопуржан вместе воевал в Отечественную войну. Иван на войне много окопов вырыл, умел хорошо работать солдатской лопатой.

Во дворе никого не было. Увидев начатый колодец, Иван, как бывало на фронте, взялся копать. Нур Ана услышала, что кто-то копает землю, и вместе с Азизом вышла во двор. Она сразу узнала Ивана. Они тепло поздоровались, как родные.

– Во дворе никого не было, я подумал, что и в доме никого нет, – сказал, как бы извиняясь, Иван, – и я продолжил копать начатый Вами колодец. Такие дела мне знакомы и как-то само собой получилось...

– Очень хорошо! Ты пришел как раз вовремя. Я рада. Теперь я тебя не отпускаю, Иван, пока ты не докопаешь до воды. Но сначала пойдем в дом, я тебя накормлю. И отдохнешь немного.

За столом разговорились...

– Что бы я без тебя делала, Иван! Где только не пробовала копать!

– Да, конечно, трудно Вам... Я понимаю... Но и без меня, я уверен, Вы бы завершили эту работу с успехом! Я-то уж знаю Ваше старание и возможности! Мое появление немного облегчит задачу. Мы вместе завершим начатое Вами дело.

Немного отдохнув, Иван вышел во двор и продолжил работу.

Через какое-то время Нур Ана услышала голос зовущего ее Ивана. Выйдя во двор, она заглянула в вырытый им колодец, а Иван, весело хохоча, набрал горсть воды, которая появилась за столь короткое время, и брызнул ей в лицо!

– Верить этому или нет?! – воскликнула Нур Ана и крикнула внука, игравшего в доме с котенком: – Азиз, Азиз! Иди сюда!

– Что бабушка? Что случилось?

– Смотри! Вода!

В это время из колодца вылез Иван, который еще минуту назад стоял по колено в воде.

– Азиз, дорогой! Беги в поле, принеси охапку полевых цветов! – попросила Нур Ана.

Азиз вернулся быстро:

– Бабушка, вот цветы!

– Бросай их в колодец! – сказал Иван.

Цветы посыпались в воду: красные, розовые, желтые...

Вдруг, совершенно некстати, Азиз задал Ивану вопрос:

– А в Алма-Ате, Москве, Ленинграде улицы имеют названия?

– Да, имеют. Почему ты спрашиваешь?

– А почему у нас нет названий улиц?..

Иван хотел сказать, что в Чарбаге никого кроме его бабушки нет, зачем ему названия улиц, но промолчал. А потом заметил:

– Дом твоей бабушки любой человек и без названия улицы найдет. Не так ли, Нур Ана?..

Она не успела ответить, как вдруг внук спросил ее:

– Скажи, бабушка, у тебя муж есть?

Нур Ана рассмеялась:

– Да, есть. А почему ты об этом спрашиваешь?

– Он, что, оставил, бросил тебя? Как его зовут?

– Гопуржан. И он меня не бросил. Скоро он обязательно придет!

– Ура! Гопуржан ака!.. А что, если мы назовем колодец Колодцем Гопуржана?

– Хорошо, пусть будет так, – согласился Иван.

– А знаешь, Иван, ведь ты оживил Гопуржана аку!

Слово «оживил» громко отдалось в груди, в сердце Нур Аны:

– Именем живого человека разве называют улицу или что-нибудь еще? – спросила она.

– Нур Ана права! – отозвался Иван, скрывая, что тот погиб. Мать Чарбага не знала, что ее муж похоронен в братской могиле в одном из лесов России...

Она вспомнила о муже:

– Каждую ночь он ставил рядом с собой тыквянку, наполненную водой, – сказала она.

Нур Ана вспомнила его молодым. И она тогда была молода и красива... Убирая волосы с ее лица, он шептал: «Я люблю тебя!» – «Я тоже люблю Вас!» – отвечала она, краснея. Это были первые и последние слова перед их расставанием. Она тогда вынула откуда-то заранее приготовленный цветастый платочек и прежде чем дать его на память, коснулась платком лица Гопуржана, как будто вытерла ему слезы. И сама чуть не заплакала...

«Мне будет не хватать родной земли, расположенной на берегу реки Чилик, любимая моя», – сказал он тогда, нежно касаясь пальцами руки возлюбленной. «Только не останьтесь где-нибудь на чужбине, влюбившись в какую-нибудь заморскую красавицу», – сказала она, стыдливо отворачиваясь от влюбленного взгляда Гопуржана. «Счастье, которое я нашел на родной земле, разве найдешь на чужой стороне?!» – ответил он...

– Нур Ана! Вы, кажется, мысленно куда-то далеко ушли? – спросил солдат Иван.

– Да... Вспомнила сладостные встречи с Гопуржаном... И прощание.

– Извините...

Нур Ана подумала: «Если в Чарбаге было двое умных людей, то одним из них был Гопуржан». Он всегда высоко держал авторитет Чарбага и его людей. «Таким он был, герой нашей земли...»

Нур Ана предположила, что Иван снова появился в Чарбаге неслучайно, что в его приходе скрыта какая-то тайна. Она решила прямо спросить его:

– Чем наш Чарбаг привлек тебя, Иван? Почему ты оказался здесь опять?..

– Я же говорил, что всегда жду: нет ли от моего друга какой-нибудь весточки?.. Какой-нибудь новости.

– Нет. О Гопуржане никаких новых вестей нет. С войны вернулся один Акрамжан. Только иногда Гопуржан снится мне. Я сама себе свои сны объясняю, сама их толкую. Мне кажется, ты, Иван, что-то от меня скрываешь. Прошу тебя, ничего не скрывай! Я, конечно, жду от тебя чего-то хорошего, но ты скажи правду, какая она есть. Я постараюсь понять... Против правды не попрешь! И ты – ни при чем, ты не виноват. Ты ведь тоже хотел всего наилучшего...

– Нур Ана! Я ничего от Вас не скрываю. Прошу Вас, не думайте ни о чем плохом! На войне бывает всякое... Ведь даже те, о которых говорят – пропал без вести, часто возвращаются домой! Гопуржан жив! Вот увидите, он вернется тоже!

– Дай-то Бог, чтобы твои слова оказались пророческими... Спасибо тебе на добром слове!

– Что Вам еще сделать, Нур Ана? Я готов Вам помочь в любой работе!

– Работы-то много, но я не хочу тебя задерживать. Ты и так много для нас сделал. Ведь ты дал нам воду! Разве такое можно забыть?! Будет время, навещай нас...

В тот же день Иван из Чарбага уехал.

Х

Рано утром, пока Азиз спал, Нур Ана подошла к дому Акрамжана и мысленно с ним поздоровалась, как будто он вышел ей навстречу. Нур Ане показалось, что она разговаривает с ним...

– Здравствуй, Акрамжан! Скажи, пожалуйста, правда, что ты видел Гопуржана?

– Я же тебе рассказал в День Победы! Помнишь? И не отказываюсь от своих слов! И сейчас тебе скажу то же самое. А верить или не верить – это твое дело.

– Помню, помню! Конечно, помню. У него была мечта... Что он сказал перед тем, как идти в наступление?

– «За мной мой дом!» – крикнул он и бросился в атаку!

– А обо мне он сказал что-нибудь?

– До сих пор в моих ушах звучат его слова! «Нурания – свеча моего дома! И эта свеча не погаснет!» – сказал он, вынув из кармана подаренный тобой платочек, и прижал его к своим губам.

– А почему ты, Акрамжан, тогда не крикнул людям: «Не смейте губить Чарбаг!», и не пошел, куда следует, не постоял за наше село?! – обиженно спросила Нур Ана.

– Да, я смалодушничал тогда, признаюсь. Но признайся и ты: ведь люди-то не пострадали! Все мы целы и живы! Нельзя было тогда противостоять приказу, спущенному сверху! Мы бы все пострадали! Я понимал это, не восстал против – не хотел подставлять людей.

– Всё равно я тебя обвиняю!
 – Почему?
 – Потому что ты не открыл людям глаза на это безобразие!
 – Ты извини меня, Нур Ана, но ни на кого нельзя обижаться, никого нельзя обвинять! Среди людей есть и хорошие, и плохие, добрые и злые...
 – А ты не вернешься в родной Чарбаг?
 – Нет, извини! Не могу. В Малыбае я женился, у меня теперь семья, дети... Там я построил дом, который мне стоил немало... Женился и сын.
 – Значит, говоришь, не вернешься... Понятно! – сказала в сердцах Нур Ана и пошла обратно домой...

* * *

Оралхан приехал в Чарбаг на легковушке. За рулем сидел сам. Приехал, может быть, потому, что хотел увидеть родную землю, а может, соскучился по сыну и решил проведать мать. Привез он старой Нур Ане индийский чай, одного живого барана и мешок муки. Мать и сын обнялись, Нур Ана поцеловала Оралхана в лоб, потеряла его шевелюру...

Пока она готовила чай, Оралхан осмотрел двор, зашел во все комнаты дома, в котором прошло его детство. Даже побывал на крыше, куда часто поднимался с мамой. Позвал Азиза. Увидел много нового во дворе, в том числе, разумеется, и вырытый новый колодец. Потом сели за стол, поели и попили чаю.

– Азиз Вас не обременяет? – спросил Оралхан.

Нур Ана рассмеялась:

– Что ты?! Он – мой большой помощник! Куда я, туда и он. Во всем помогает мне. Он – умница и очень послушный мальчик. Так что о нем не беспокойся. И обо мне – тоже. Ну, а как вы там поживаете?

– Всё у нас хорошо. Я работаю. На работе всё благополучно. И успехи есть.

– Какие люди живут в совхозе, где ты хозяйствуешь?

– У меня? Казахи, русские, немцы, украинцы, корейцы...

– Они – местные?

– Нет, не все. Многие приехали из других мест и даже – из других стран.

– Почему людям не живется у себя на родной земле?! Все путешествуют, кочуют... Точно так же, как у нас: одни – в Малыбае, другие Байсейит выбрали. Почему люди позволяют другим, чужим людям решать, где им жить?..

– Знаешь, мама, многие приехали к нам по своему желанию. Чтобы осваивать казахстанские целинные земли. И остались, обзавелись семьями. Большинство из них – молодые люди... Освоились на новой земле.

– Молодые?.. Что им не живется в родных местах со своими близкими?.. Что они ищут? Разве есть земля лучше, чем родная?

– Молодые люди приехали из разных стран и разных городов. Из Украины и Узбекистана, Белоруссии и Азербайджана, из Москвы и Ленинграда, из Алма-Аты. И вот что я еще скажу: где бы люди ни жили, главное – чтобы жили они благополучно, счастливо... Вот и я приехал за вами, мама! И за Азизом.

– За мной?! Я ни шагу из Чарбага не ступлю! Ты лучше скажи, что приехал за Азизом!..

Оралхан грустно улыбнулся:

– Сауле трудно одной... Но это – не главное. Главное, что в этом году Азиз должен пойти в школу.

Мать стала возражать:

– Ты думаешь, я не смогу его здесь выучить?.. Буду работать животноводом в Байсейите, там и будет учиться Азиз.

– Тебе будет трудно, мама! Лишние заботы!.. А работы тебе хватает и без того! – Оралхан замолчал, глядя себе под ноги. Не мог он поднять голову и прямо посмотреть на мать.

– В Байсейите есть хорошая школа! Там и будет заниматься Азиз. Когда ты учился в Чилике, я же могла приходиться к тебе каждый день!.. Мне не будет трудно каждый день провожать Азиза в школу.

– Это так, но... – не договорил Оралхан.

Азиз слышал разговор. Он подбежал к Нур Ане, обнял ее за шею и возбужденно воскликнул:

– Никуда я от тебя не уеду, бабушка! Ты, папа, зря стараешься увезти меня отсюда. Мне нравится жить здесь.

– Спасибо тебе, внучек дорогой! Спасибо, что пожалел меня... Однако... отец прав. Надо его слушаться. Да и маме нелегко. Ей тоже надо помочь.

– Мама, Вы на меня не обижаетесь? – спросил Оралхан.

– Нет, сынок... Просто жалко расставаться с внуком. Привыкла я к Азизу, как когда-то к тебе... Ладно, пусть едет... – и у Нур Аны на глаза навернулись слезы... – А сноха-то моя работает? – спросила она.

– Да. Она – учительница.

– Это хорошо... Ты тоже будь внимателен на работе. Как там у тебя? Всё ли в порядке?

– У меня всё хорошо! – ответил Оралхан, обрадованный изменившимся настроением мамы. Он улыбнулся, и, чтобы как-то скрыть свою радость, отвернулся от Нур Аны.

– Делай добро людям, которые работают у тебя, под твоим началом. Будь к ним заботлив. Чтобы слова твои с делами не расходились.

– Я понял, мам!

В тот день Оралхан не уехал, остался ночевать. На следующий день он сам зарезал барана, разделал мясо на кусочки, засолил его впрок, а чтобы оно от жары не испортилось, повесил сушиться.

Мать собралась было мясо варить, но Оралхан остановил ее:

– Мясо, мама, мне надоело. Лучше приготовь мне манты.

– Хорошо, приготовлю! – охотно согласилась Нур Ана, разожгла очаг и взялась за тесто.

Очень скоро она позвала сына:

– Оралхан! Иди помоги лепить манты!

– С удовольствием! Если не забыл... Давно не ел манты...

Поев приготовленные общими усилиями манты, сын и внук стали собираться в путь. Любовь к Оралхану и Азизу огнем жгли сердце Нур Аны. Мать Чарбага вложила в руки внука костюм, который заранее купила ему с запасом на вырост, и надела ему на шею изготовленный ею самой амулет. Оралхан заметил это, и Нур Ана сказала:

– Пусть висит... Никому он не мешает.

– Никто не тронет! – ответил на это Оралхан.

– Ну, теперь – в путь! Однако сперва зайдём на кладбище, навестим могилку... одного человека. Он всю жизнь пас скот и не видел ничего хорошего ни от скотины, ни от детей. И вот... скончался... Проведаем его. Вот... Здесь лежит ваш дед... Кодек.

Присев на корточки, они какое-то время посидели у могилы Кодека, помолчали... Тут же и попрощались. Оралхан, обняв плачущую мать, поцеловал ее в щеку, сел за руль машины.

– До свидания, дети мои! До свидания! Дай Бог вам благополучно доехать!
– До свидания, бабушка! Я скоро приеду к тебе! Так и знай!
– Ой, мама! Я же привез тебе дыню! – воскликнул Оралхан. – Совершенно забыл отдать! Чуть было не увез обратно... Вот, возьми...

И машина тронулась в путь.

Нур Ана долго смотрела вслед удаляющейся машине, пока она была видна. Затем она поднялась на крышу и стояла там, пока легковушка не исчезла из виду совсем.

Спустившись с крыши, Нур Ана вошла в опустевший дом, долго сидела в потемках, не зажигая свет. Вспомнив про дыню, отрезала ломтик и стала есть.

Дыня была очень вкусная, напоминала ей дыни Исмаилахуна, который всю жизнь их выращивал. Мать Чарбага стала вспоминать времена, связанные с этим добрым человеком. У него раньше, чем у других, поспевали дыни, и Исмаилахун всегда приглашал Нур Ану на свою бахчу. И урожай он убирал вместе с ней. Каждый раз они собирали целую арбу дынь и вместе приносили сухую траву, скошенную Исмаилахуном и высушенную им заранее.

– Ешь, доченька, ешь, – говаривал он ей, нарезаая дыню ломтиками. – Ну, как? Вкусно? – спрашивал он, удовлетворенно улыбаясь.

– Очень вкусно! Язык проглотишь! – отвечала Нур Ана.

Щедрый человек Исмаилахун любил угощать других, особенно – детей, совершенно ему не знакомых.

– Дети есть дети, кем бы они тебе ни приходились, – любил повторять он.

Все эти эпизоды былого прошли в этот вечер перед мысленным взором так быстро состарившейся и сегодня бесконечно одинокой Матери Земли.

* * *

Нур Ана зажгла на окне керосиновую лампу. Прежде чем заснуть, она долго лежала с открытыми глазами, вспоминая о безвозвратно ушедшем далеком прошлом... Вспомнила старушка и о том, как в молодости ходила на кладбище. Тогда кругом всюду цвели сады...

Утром она оделась по-рабочему, взяла кетмень, лопату, вилы и направилась в самое святое место в селе – на кладбище.

Пришла и очень огорчилась: «Как будто в Чарбаге нет людей! Кладбище совсем заброшено, заросло травой... И я не смогла прийти раньше, проведать вас, мои теперь уже покойные односельчане... Простите меня: я искала воду, чистила совсем иссохший источник, открывала пути для выхода ключевой воды. Этим и была занята... Но о вас я не забыла! Вот, добилась своего: колодец во дворе выкопала, ключ почистила и теперь холодная, прозрачная вода течет на радость всем!.. Пришла очередь ухаживать за вами. Отныне будет и у вас чисто, и здесь будет порядок»...

Мать Чарбага несколько дней подряд приходила на кладбище, чистила и приводила в порядок могилы. Затем она выкопала ямы для посадки деревьев... Много ям. Теперь ей нужно было искать саженцы. Она стала считать, сколько их надо. Получилось – около сотни. «Где мне взять столько?.. Кто даст?..»

«Какие люди живут в селе, можно судить по состоянию кладбища: каковы люди – таковы и кладбища... Но теперь-то я одна на всё село!» – подумала Нур Ана, возвращаясь мысленно из прошлого в день сегодняшний...

– Какие же деревья лучше посадить? Тальник? Карагач? Нет, пожалуй, не карагач! Лучше – фруктовые деревья! – решила Нур Ана. – Фруктовые деревья красивые, глаз радуют...

* * *

Мать земли плохо знала людей, проживающих в садах Ангана. Из дома она захватила с собой немного конфет и сахара, одну новую рубашку, три метра ситца и отправилась в путь. Когда Нур Ана уже дошла до Ойжайлау, только тут поняла, что забыла надеть калоши. О камни она поранила ноги до крови... Но Нур Ана не придавала этому значения. «Ничего, – сказала она себе, – вымою раз-другой ключевой водой, раны и заживут. А что поранилась, это ничего! Лишь бы саженцы найти!» С такими мыслями она не заметила, как дошла до Ангана. Встретили ее старик со старухой.

– Заходи, сестрёнка, заходи! – приветствовал ее старик, а увидев окровавленные ноги гостьи, воскликнул: – Боже мой! Что это такое, дорогая?! Что это с тобой случилось?!

Тут и старуха стала жалеть женщину:

– Кто же в такой холод босиком ходит?! Так ведь и заболеть недолго!

«Здесь, кажется, я найду саженцы! Если попрошу, то эти добрые люди дадут мне их непременно!» – подумала Нур Ана, глядя на приветливость стариков. И она выложила на столик гостинцы:

– С большой надеждой пришла я к вам. Живу в родном селе одна, былую красу его восстановить хочу.

– Одна живете?! Во всем селе? Одна?! Или я ослышался?

– Нет, не ослышались. Совершенно одна. Наш Чарбаг объединили с другими селами. Вырубили все сады, разрушили дома. Хочу хоть деревья посадить, и фруктовые – тоже. Мне необходима помощь. Для меня это очень важно.

– Вам нужны саженцы? Ну, что ж... Деревья – это жизнь человека! Фруктовых саженцев у нас нет, а с саженцами других деревьев поможем. Я был в Чарбаге... Жалко... Хорошее было село. Очень жаль! Но кому нужны эти деревья?!

– Мне нужны. На улицах Чарбага – ни одного деревца!.. И вокруг кладбища буду сажать.

– В Чарбаге земля каменистая. На такой почве хорошо растут именно фруктовые деревья. Плоды на них бывают очень сладкими.

– А почему не уезжаете из Чарбага? Зачем, кому нужны эти муки?

– Не могу оставить село. Жалко.

– Не могу, говорите... Хороший Вы человек! Мы поможем Вам. Сажайте фруктовые! Что толку от других деревьев?.. Разве только – тень.

– Да, Вы правы.

Старик почему-то огляделся по сторонам... «Что с ним?» – подумала Нур Ана. И не зря она так подумала.

– Если узнает начальство, убьет оно нас! – сказал старый садовод. – Фруктовые саженцы у нас есть, но наш председатель вчера утром опять их пересчитал. Мы боимся начальства! – добавил он после паузы. Старик явно хотел отказаться от только что почти данного Нур Ане обещания. – Куда ты саженцы посадишь? – спросил он снова.

– На улице и вокруг кладбища.

– Вокруг кладбища, говоришь? А я-то думал...

– Правду говорю!

Все на минуту замолкли...

– Ты на нас не обижайся. Погоди, я еще раз посмотрю...

– Ладно, не беспокойтесь. – сказала Нур Ана, собираясь уходить.

– Не обижайтесь на нас, – добавил старик. Ему было неудобно за вынужденный отказ, и он остановил Нур Ану новым вопросом: – Может, всё бросишь и переедешь к нам?

– Нет. Дома работы много. Нет у меня времени на пустые разговоры. Пойду, поищу еще где-нибудь...

Так и не найдя саженцев, Нур Ана усталая вернулась домой и, не раздеваясь, в одежде упала в постель...

После ухода Нур Аны старик со старухой поспорили:

- Обидел ты, старый, гостью! Такую женщину обижать нельзя!
- Не беспокойся, старуха! Еще не поздно исправить ошибку.
- Что ты задумал?
- Я слышал, куда она хочет посадить деревья: на кладбище, точнее – вокруг кладбища! А ведь это святое дело! Верно?
- Ну да... Конечно! Ведь у могил ушедших...
- Надо отнести ей саженцы. Заодно посмотрим Чарбаг...

* * *

Нур Ана сидела, опустив ноги в таз с горячей водой: парила, чтобы не заболеть после длительной прогулки босиком. «Надо найти саженцы! – думала она. – Нельзя вот так сидеть, без дела».

Закончив процедуру, она вытерла согревшиеся ноги, надела сапоги. Затем достала из сундука костюм Гопурджана, завернула в платок несколько чашек муки, немного белой кукурузы, всё это положила в мешок и, взвалив его на спину, отправилась в Кайнук...

А вот и оно, это село... Нур Ана остановилась у дома, окна которого были заклеены бумагой. Остановилась потому, что из этого дома слышался плач. Нур Ана вошла в дом и почувствовала неприятный запах. На теплом земляном полу, под которым проходил дымоход, в ряд лежали, словно безжизненные, пятеро детей с выбритыми наголо головами. Увидев их, Нур Ана от неожиданности вздрогнула, испугавшись: «Дети, видимо, голодны». Она, подошла, погладила по головке мальчика, лежавшего с краю, спросила:

- Почему вы лежите?..
- Мама сказала, чтобы мы лежали... А то, сказала, можем упасть.
- За хлебом ушла мама, – добавила младшая.
- И не всегда приходит с хлебом, – услышала она.
- А ты кто? Не наша ли родственница?
- Да-да, я ваша родня!
- А ты принесла что-нибудь поесть?
- Ну конечно, принесла!
- Ура-а! Принесла! Принесла! – обрадовались дети.
- Я принесла вам немного муки и кукурузы.

Дети кинулись к мешку, начали есть кукурузу сырой. Нур Ана отобрала у них початки, объяснив, что сырую есть нельзя – живот заболит. Потом она нашла казан, который был еще теплым, вылила из него остатки воды и, подбросив в очаг дрова, стала жарить кукурузу. И уже жареной кукурузой покормила детей. К этому времени вернулась их заплаканная мать.

- Во все дома подряд зашла – нигде ничего!
- Мама, а мы наелись кукурузой! – сообщила младшенькая. – Нам еще муки принесли! Смотрите, вот мешок!

– Добрый человек! Дай Бог тебе долгой жизни! Не зря говорят: «Если больному умирать рано, лекарь приходит сам». Дай тебе Бог много здоровья! Когда-нибудь и эти дни забудутся, сестра, правда?

– Нет, эти дни не забудутся никогда! Твои дети вырастут... Не должны они забывать об этих днях! А пока ты обязана отвечать за их жизни. Приходи, когда будет нужно, ко мне. Для тебя и твоих детей ничего не пожалею!

– Спасибо на добром слове... А что ты делаешь в нашем селе?

– Ищу саженцы.

– Зачем они тебе?

– Нужны!

– А молодые саженцы вишни пойдут?

– Ну конечно, пойдут!

– Пошли, покажу тебе. Муж посадил. Для детей. Вот они. Хорошо принялись! Через год-другой уже будут плоды. Можно будет есть.

Хозяйка принесла лопату, начала копать...

– Бери, сестра! Всё бери!..

– Нет, постой. Только что принявшиеся саженцы трогать не стоит...

– Где же тогда будешь искать?! Сама-то ты откуда?

– Из Чарбага. Я была против объединения Чарбага с другими селами. Слышала, наверное?

– А-а-а... Да, слышала. Ты одна осталась в Чарбаге? Не обижайся на меня, сестра...

– Я-то ладно, не обижусь. А если обидятся дети или муж? Что тогда скажешь?

– Тебе важно приобрести саженцы, а нам... не обязательно, – сказала хозяйка дома, оставила несколько штук себе, остальные отдала Нур Ане. Вместе с детьми она проводила Нур Анну в путь...

Мать Чарбага посадила вишни около кладбища. Потом сходила в село Корам, принесла оттуда несколько саженцев яблони, которые посадила рядом с вишнями. Удовлетворенная и уставшая, Нур Ана вернулась в свой дом, где ее никто не ждал...

* * *

Случилось неожиданное. Нур Ана по привычке поднялась на крышу дома и стала всматриваться вдаль. Она увидела двух человек, идущих за ослом, нагруженным какой-то поклажей. Нур Ана спустилась с крыши, зажгла в очаге огонь и пошла встречать гостей. Мать Земли узнала их сразу. Это были старик Садвакас и старуха Унчамхан. Увидев навьюченные на осла саженцы, Нур Ана очень удивилась...

– Обидели мы тебя, привезли то, что тебе нужно.

– Нет-нет, я на вас не обиделась! Заходите в дом! – пригласила она гостей.

– Подожди, сперва дело закончим. Веди нас туда, где будем деревья сажать.

– Ну, хорошо, идемте. – И Нур Ана повела стариков к кладбищу. Там старик прочел аят из Корана и начал сажать привезенные деревца. «Дай силы моим рукам, о Аллах!» – помолился он, начиная работу.

В тот день гости остались ночевать у Нур Аны. На следующий день сажали деревья уже вдоль улицы...

– И кладбище, и улица твоя – в идеальном порядке! Спасибо тебе, Нур Ана! Мы очень довольны тобой! И свои обязанности мы тоже вспомнили. Доброе, нужное дело совершили...

Уже собираясь уходить, старик увидел во дворе Нур Аны телегу. Попинал ногами колеса.

– Оттого, что никто на ней не ездит, телега рассыпалась и заржавела, – сказал он задумчиво.

– Муж мой, Гопуржан, перед тем как уйти на фронт, смазал колеса... С тех пор никто и не дотрагивался.

– В каждом доме должна быть телега. С ней легче жить.

– Я Вам дарю эту телегу! У вас есть кого запрячь в нее.

– Если ты думаешь, что я возьму ее за то, что привез тебе саженцы, то ты ошибаешься!

– Не говорите так! Я дарю Вам телегу от чистого сердца! Берите!

Старуха обиженно стала отчитывать своего старика:

– Как Вам не стыдно! Неужели примете такую дорогую вещь?! За саженцы! – добавила она в сердцах.

– Молчи, старая, – сказал старик спокойно и тихо. – Я беру телегу. Спасибо, Нур Ана. – И стал впрягать в телегу своего осла.

– Стыдно мне! – не унималась старуха. Но дело было сделано. Они сели в телегу, хотя старуха продолжала ворчать...

– Если что нужно, приходи! Мы всегда готовы помочь! – сказала она на прощание.

– И вы приезжайте ко мне, – ответила Нур Ана.

– Теперь часто сможем приезжать. Телега-то у нас теперь есть! Чу! Чу! – погнал старик осла, и тот нехотя тронулся с места...

* * *

Развалившиеся стены домов Чарбага действовали на Нур Ану угнетающе... «Что сделать, чтобы поднять их снова?» – думала она.

Расстроенная, она вошла в дом, попила чаю. Затем взяла веревку из конского волоса, пошла на хлебное поле Байсейита, с которого недавно убрали хлеб, набрала соломы и, взвалив на плечи связку, вернулась домой. Выкопала яму, принесла воды и стала месить глину, добавляя в нее солому. Изготовив некоторое количество кирпичей, она оставила их сохнуть на солнце. «Если люди вернуться обратно в Чарбаг, им будет легче восстанавливать свои дома, – думала Нур Ана. – Останется только покрыть стены саманной плоской крышей да вставить окна и двери... Кирпичи для стен будут готовы». Этой работой Нур Ана занималась каждый день.

После такого тяжелого труда Мать солнца очень уставала, и всё же продолжала работу. Когда заболела, она опускалась у источника-ключа на колени, черпала горстями воду, пила ее, и ей становилось легче. Нур Ана вновь чувствовала себя сильной и здоровой. А еще – умывалась этой холодной, ключевой водой! Тогда чувствовала себя еще бодрее.

Нур Ана часто ходила к источнику, который сама вычистила, оживила. Наберет воды в свой тыквинки-горлинки, принесет и не чувствует усталости! Наоборот, чувствует себя бодрой и сильной. Так поила она посаженные ею деревья и даже поливала улицы села. При этом она иногда еще и пела...

Однажды, тихо напевая какую-то песню, Нур Ана вдруг вспомнила слова своего отца, который как-то сказал: «У нас в селе певцов и певиц было много».

– А кто именно, отец? – спросила она.

– Кто, спрашиваешь? Ну, например, твоя мама...

– А много песен знала мама? Хорошо она пела?

– Да, доченька, хорошо она пела... И много песен знала.

– А Расскажи, отец, какие песни пела мама?

– Если рождался ребенок, пела колыбельные песни. А вообще-то ее песни в основном были грустные. Они лились будто из глубины ее души...

– Еще, отец, расскажи еще!

– Еще, если умирал человек, она пела траурные песни. Муллы Чарбага даже били твою маму за то, что она пела у мечети. После этого она болела, лежала, не вставая, несколько дней. Тогда я ругался с муллами, говорил им: «Вы можете даже убить ее, но не остановите ее песни! Вот, скажите, в Чарбаге чего больше? Кладбищ больше в Чарбаге! Люди, и богатые, и бедные, знают – кто поющего обидит, того могут убить те, кто песни любит. Песни спасают людей от смерти!» Твою маму народ называл Матерью людей, Матерью земли, Матерью села Чарбаг. Люди были счастливы, слушая ее песни. А герои военного времени, отправляясь на битву с песнями мамы твоей, становились навеки храбрыми батырами, проявляя в боях с врагами Отечества чудеса героизма.

– А если бы не было мамы, кто бы им всем и нам пел ее песни? – спросила тогда Нур Ана.

И отец, не задумываясь, ответил:

– Тогда бы песни ее пел сам Чарбаг! Пели бы его камни! Его деревья! Его реки! Его прозрачные ключи... Потому что песни твоей мамы были именно об этих камнях! Об этих деревьях! О прозрачных водах и отзывчивых людях Чарбага!..

И вспомнив слова отца, Нур Ана вдруг задумалась о своей судьбе: «Вот, ты живешь здесь одна... Вокруг – никого! Но есть твой Чарбаг! И ты не даешь погибнуть ему!.. А есть ли у тебя песни о нем?! О твоём родном и любимом Чарбаге?..»

– Есть, отец! – отвечала она.

– Ну, так пой! Да так, чтобы весь мир услышал песни твои!..

И Нур Ана пела! Ее песни слышали те, кто жил рядом, и те, кто оказался вдали! Кто жил в Чилике и Малыбае, Байсейите и Кайнуке, Кураме и за морями! Да-да, даже там, в чужих и далеких краях, куда судьба равнодушно забросила бывших ее земляков...

Нур Ана стала песней людей.

* * *

Она так долго жила одна, что ей вдруг захотелось увидеться с бывшими односельчанами, чарбагцами. И отправилась Нур Ана однажды в Малыбай.

Это оказалось большое село. Людей там было тоже немало, улицы – не без развалюх, но хороших домов много. А вот фруктовых деревьев было мало, если не сказать – не было совсем.

Малыбайцы никого из людей, прибывших из Чарбага, на серьезные должности не назначали, считая их чужаками. Почти все чарбагцы стали простыми работягами, дехканами с кетменем на плече. Одни переселенцы построили себе дома, другие жили в развалюхах. Но зато многие дома были электрифицированы. В этом отношении село производило хорошее впечатление. Нур Ану это порадовало.

Она побывала почти у всех чарбагцев, а остановилась у родителей мужа, где по случаю ее приезда собрались некоторые соседи из Чарбага. По их разговору Нур Ана поняла, что все они очень соскучились по родному селу. Лишь один человек, которого звали Архон-хвастун, позволил себе сказать несколько нелестных слов о Чарбаге, и это Нур Ане очень не понравилось...

– Мы привыкли к новому месту, – сказал он. – Живем как в Чарбаге. Но не в каменном Чарбаге! Забыл я о нем! Что можно посадить на камнях?!

Нур Ана одернула хвастуна:

– Нет, не то Вы говорите, Архон! В целом мире Чарбаг – один! Другого для нас нет и не может быть!

– А по мне – где живешь, там и твой дом! Не зря сказано: «Где твой казан, там и твоя жизнь».

– Вы не имеете права говорить от имени всех!

– А почему я не имею права говорить от имени других?!

– Потому что Вы – желтый лист с дерева! Бедный лист, который сорвал осенний ветер и бросил на землю... Вы – порванная струна, которая больше звучать не сможет вместе с песней о людях Чарбага. Вы – разбитый кирпич, который не пригоден для новых строений в восстанавливаемом селе с гордым именем Чарбаг. Вот кто вы!

– Забудь о своем Чарбаге! Он не будет снова поднят! Да и кому он нужен?! Или ты хочешь создать новую историю Чарбага? Не получится! Забудь! Здесь, в Мальбае, я имею дойную корову, барана... Мясо! А будь я в Чарбаге, всего этого не было бы у меня никогда!

– Эй ты, хвастун! Помолчи немного! Чего расхвастался!

– Не обижайся на его болтовню, сноха моя, – сказал ей ее свекор. – Тыправляешь камни могил наших предков, поднимаешь стены разбитых домов, сажаешь деревья... Всё это – дело твоей чести! Ты оказалась умнее нас. Пока ты жива – будет жить Чарбаг. Пока есть такие люди, как ты, будут звучать и наши песни. А ты, Архон, считаешь, что нет истории у Чарбага? Ошибаешься! Она есть! Ее называют у нас историей любви. Расскажу-ка я тебе эту историю, дорогой...

– Был я тогда председателем сельского совета, – начал свои воспоминания Касым, садовод по призванию. – Мы, комсомольцы, вели среди людей соответствующую пропаганду. Среди нас было двое влюбленных – Гульфам и Икрам. Гульфам была дочерью богача Амутахуна. Богач согласился с желанием дочери выйти замуж за Икрама, но сказал ей: «Ладно, выходи... Только сначала пригласи его к нам, хочу познакомиться с ним». Когда Икрам пришел по приглашению любимой, Амутахун убил его, отрезал ему уши, нос, язык... Потом Амутахун убил и свою дочь... Я сам участвовал в аресте убийцы! Схватили его, связали ему руки, ноги и отвезли в милицию, в Чилик... Организуя похороны, мы посоветовались и решили: могилы погибших влюбленных должны быть рядом. Так и похоронили... А Нур Ана посадила на могилах цветы и до сих пор заботится о них. Нельзя забывать и не замечать того, что Нур Ана делала и делает!.. Конечно, она сейчас одна. Но без этого одинокого деревца и саду не быть!..

– А почему нет с нами Кевира? – спросила вдруг Нур Ана.

– Он серьезно болен, – ответили ей.

На следующий день пришла весть, что Кевир-красавец прошлой ночью умер. Все пошли проводить его в последний путь...

Нур Ана под одеялом кровати, где еще совсем недавно лежал и умер Кевир, обнаружила мешочек, в котором была горсть земли. Нур Ана знала, что это земля Чарбага. Взяв мешочек, она побежала за траурной процессией на кладбище. Там она передала мешочек с землей своему свекру. Тот положил этот мешочек в могилу, рядом с телом Кевира.

* * *

Придя домой, Лучезарная мать полила саженцы, посаженные ею вчера. Для нее еще много дел было в Чарбаге...

Ни от Ивана, ни от Оралхана не было никаких вестей... «Как там живет внук Азиз?.. Наверное, скучает по бабушке? – подумала Нур Ана, сидя за столиком, поставив на подоконники две зажженные керосиновые лампы. – И писем нет от них!.. А если и напишут, кто мне их доставит сюда, где я живу одна-одинешенька. Видимо, все считают, что Чарбаг больше не существует...»

Нур Ана решила сама написать письмо и начала так: «Сыну Оралхану, внуку Азизу, снохе Сауле...»

На следующий день, рано утром, она понесла свое письмо на почту в Байсейит. Придя туда, Нур Ана спросила у девушки-почтальона:

– А где, скажите, письма, которые мне написали мои дети? Почему их не доставляют?

– Извините, уважаемая Нур Ана, – улыбаясь, ответила, как бы извиняясь, девушка, – но на Ваше имя писем нет. Если бы были, я бы сама принесла их Вам!

– Не может быть, доченька! Они не могли не написать мне! Письма явно где-то затерялись! Посмотри, пожалуйста, еще раз! А пока я, вот, принесла свое письмо к детям, – сказала Мать земли.

– Дайте мне его, – ответила с готовностью работница почты. Прочла адрес. – Всё, кажется, правильно... Ваши дети получают его примерно через неделю. Из Чилика письма доставляют в Алма-Ату, а оттуда уже поездом – по адресу. Вот и пройдет неделя.

– Так долго?! – проговорила Нур Ана расстроено...

Вернувшись в Чарбаг, она почувствовала себя еще более одинокой.

На следующий день Нур Ана стала белить дом внутри и снаружи. Работая во дворе, услышала пение соловья и очень обрадовалась. Ей вдруг показалось, что соловей поет, сидя на ветке именно ею посаженной вишни! «Пой, пой, соловушка! Тебя никто не тронет! Я слушаю тебя! Пой!» – мысленно попросила она, продолжая побелку.

Завершив работу, Нур Ана по обычаю поднялась на крышу дома, посмотрела в сторону дороги. Пусто... И опять мысленно обратилась она к односельчанам: «Эй, чарбагцы, я побелила стены ваших домов! Приезжайте! Возвращайтесь! Я посадила у домов деревья! Отдохните в их тени! Приходите, не стесняйтесь!..»

Оттого ли, что старая стала, она, слезая с крыши дома, упала и долго не могла встать. Затем всё же встала, кое-как вошла в дом, добралась до кровати, легла в постель... «Должно быть, пришла моя пора, – грустно подумала она. – Неужели одна вот так умру и никто не будет знать... Не похоронит вовремя, как положено?..»

Вспомнила Нур Ана свою мать, которая говорила ей: «Никогда люди, даже после землетрясения, не оставляли Чарбаг: уходили и возвращались! Восстанавливали разрушенные дома и продолжали жить... Вот и ты не оставила родное село. Одна о нем думаешь, одна стараешься его сохранить, доченька...»

Нур Ана попробовала встать. Не смогла. Уснула. Спала долго. Проснулась, почувствовав, что кто-то гладит ее по голове. Увидела рядом с собой Ивана: он стоял на коленях у ее изголовья.

Иван вскипятил чай, напоил ее. Мать Чарбага попыталась встать, не смогла – чувствовала во всем теле слабость. Глаза ее сами закрывались, и она снова уснула.

«Пусть поспит, – подумал Иван. – Сон – лучшее лекарство». Он увидел, что губы Нур Ана белые от сухости. Вышел во двор, достал из Колодца Гопуржана ведро холодной воды, занес в дом. Чашкой из ведра зачерпнул этой прозрачной, живительной влаги, попробовал дать ей попить. Нур Ана сделала глотательное движение, открыла глаза и будто только сейчас узнала Ивана:

– Иван, это ты? – прошептала еле слышно она. – Как хорошо, что ты пришел!.. Спасибо.

– Я привез Вам письмо!

Нур Ана еле заметно улыбнулась.

– Прочти мне его... пожалуйста, – попросила она.

– Не могу прочесть... Извините... Не пойму... Язык...

– Тогда поднеси письмо поближе к моим глазам: я попробую сама прочесть...

Нур Ана направила мутные глаза на исписанный ровным, крупным почерком листок из ученической тетради.

«Дорогая мама! – начиналось письмо Оралхана. – Село, где Вы живете, заживет теперь заново! Меня сюда направляют на работу...»

Дальше читать Нур Ана не смогла. От радости ее сердце стало биться так учащенно, будто хотело выпрыгнуть из груди. Она долго не могла говорить...

– Вот и настал день, которого я так долго ждала, – наконец сказала она облегченно.

– Вы о чем, мать? Объясните!

– Наш Чарбаг снова заживет! Мой сын, Оралхан, направлен сюда на работу.

– Да?! О, как это здорово! Ваша мечта осуществилась! Теперь Вы заживете счастливо и будете жить долго! – воскликнул Иван, радостно глядя ее руки.

После этих слов, возбужденные новостью, они, каждый по-своему, долго молчали...

– А скажите мне, Иван, почему же не едет так долго домой Гопуржан?.. Ведь если бы он был жив, приехал бы уж давно!

– Он жив, Нур Ана! Верьте! Я тоже жду своего друга, жду так же, как и вы!..

– Не знаю-ю... Ты что-то от меня скрываешь, Иван! – вновь тяжело задыхалась она, схватившись правой рукою за сердце и закрывая глаза.

– Давайте я отвезу Вас в Байсейит! Пусть Вас посмотрят и полечат доктора!

– Нет-нет! Никуда я не поеду!.. И ты не уходи! Не оставяй меня одну...

Иван, разумеется, никуда не ушел, продолжая ухаживать за заболевшей всерьез Нур Анной.

* * *

Через три дня в Чарбаг въехала машина. Из нее вышли Оралхан, Сауле и Азиз.

Оралхан и Сауле поцеловали холодные щеки и лоб матери, лежавшей с закрытыми глазами на кровати.

– Что с тобой, мама?! – спросил с беспокойством Оралхан.

Нур Ана очнулась, взглянула на сына глазами, полными слез и, ничего не ответив, закрыла глаза опять.

– Бабушка, что с тобой?! – испуганно вскрикнул Азиз.

Нур Ана на мгновение открыла глаза, и они сразу же сомкнулись. Одинокая святая мать перестала дышать...

На застывших у ее изголовья мужчин смотрела безутешно плачущая
Сауле...

Мать земли села Чарбаг –
Нур Ана...
Ты запомни это имя,
страна!
Песню памяти поет
нынче хор:
Он о будущем ведет
разговор!
И о том, как просыпалось
село...
Счастье было! И оно
не прошло!
И создатели села
не ушли:
Все остались! Стали солью
Земли...
Их следы видны везде –
там и тут!
И – на кладбище, где вишни
цветут!
Там хозяйничает нынче
весна!
Там осталась навсегда
Нур Ана,
Сохранившая село
и очаг!
Не предавшая ни дом,
ни Чарбаг!
Дочь Земли... Святая Мать
Нур Ана...
Дочь твоя, моя родная
Страна!

Перевод с уйгурского Вильяма Садыкова

